

Александр Симатов

Остров с зелёной травой

(история одной экспедиции)

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Симатов

**Остров с зелёной травой
(история одной экспедиции)**

«ЛитРес: Самиздат»

2011

Симатов А. В.

Остров с зелёной травой (история одной экспедиции) /
А. В. Симатов — «ЛитРес: Самиздат», 2011

«Остров с зелёной травой» едва ли можно назвать фантастикой. Фантастика здесь лишь помогает «проявить» некоторые стороны современной жизни. «Остров» - это мениппея. Роман состоит из трех сюжетных линий («русской», «американской» и «инопланетной») и содержит в себе много планов и много стилей. Мир не совершенен и кажется, что без помощи инопланетян нам нашу жизнь уже не наладить. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие автора	6
Пролог	7
I	8
II	13
III	17
IV	24
V	27
VI	28
VII	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Фантастический роман с вымышленными героями и событиями. Никакие аналогии и параллели с реальной жизнью не уместны и остаются на совести читателя.

Предисловие автора

Строго говоря, «Остров» едва ли можно назвать фантастикой. Фантастика лишь помогла «проявить» некоторые стороны современной жизни. Роман содержит в себе три сюжетные линии. Условно их можно назвать «русской», «американской» и «инопланетной». Надо иметь в виду, что все три линии развиваются независимо друг от друга, их связывают лишь происходящие события. Незнание этой особенности может вызвать у вас, читатель, недоумение во время знакомства с романом. Для того чтобы избежать этого, и написано данное предисловие.

Пролог

Если ехать к канадской границе по шоссе номер 281, что в Северной Дакоте, то на полпути между городками Черчс Ферри на юге и Кандо на севере вам повстречается озеро Маза. Как его узнать? Даже не знаю, что посоветовать. В длину оно тянется вдоль дороги километров десять, но в самой широкой северной части не достигает и полутора. Описать его форму весьма затруднительно. Попробуйте определить форму того, что нарисует вам пятилетний малыш в качестве озера, если дать ему кисточки и краски и не торопить с результатом. У такого озера будет все: и острова, и полуострова, и протоки, и рукава, и заводи. Можно не сомневаться, что изрезанность береговой линии удастся малышу особенно хорошо. В итоге с помощью акварелей свободолюбивой детской рукой будет написана картина нечаянного хаоса. Это и есть озеро Маза.

Честно говоря, тем, кто не рыбачит, делать на этом озере совершенно нечего. Еще год назад водители проносившихся по шоссе автомобилей и не подозревали о его существовании. Но за последний год съезд с дороги к озеру так укатили колесами машин, будто в конце этой глинистой колеи находится достопримечательность федерального значения. Для проезжающих мимо водителей стало делом принципа ненадолго задержаться и взглянуть на озеро.

Приезжают сюда и специально только ради того, чтобы своими глазами увидеть *тот* остров. Но таких немного, это неисправимые романтики. Обычно они появляются большими компаниями, иначе было бы совсем скучно. Буксуя в глине, машины с трудом добираются до берега. Из них высыпают нетерпеливые пассажиры, наперегонки спешат к воде и устремляют взгляды на середину озера, торопясь увидеть заросшие камышами и травой острова.

На некоторое время на берегу воцаряется тревожная тишина.

В этой части озера есть два небольших острова. Заметив мечущиеся между ними взгляды друзей, инициатор поездки, заранее изучивший все детали, подсказывает голосом мэтра: «Куда вы смотрите? На правый остров надо смотреть. Там он был», – и показывает на остров рукой. Друзья послушно поворачивают головы направо и негромко обмениваются короткими фразами, будто боятся спугнуть кого-то незримо присутствующего; повышать голос на этом диком берегу почему-то никому не хочется. Позже, немного освоившись в незнакомом месте, мечтают вслух, сочиняют сценарии развития *тех* событий. Некоторые начинают грустить и ничего не могут с собой поделать; их охватывает непонятно откуда взявшееся беспокойное ощущение, что они безвозвратно упустили редкий шанс. Непременно высказывается предположение: «А может быть, *там* сейчас кто-то есть?» Все соглашаются, что такое вполне может быть.

Наговорившись, надышавшись сырым воздухом, пахнущим тиной и прибрежными травами, и устав от стояния на одном месте, компания собирается уезжать. Перед отъездом обязательно находится любопытный с замашками социолога. Он интересуется: «А если бы с собой предложили взять? Рванули бы?» Компания задумывается над неожиданным вопросом. «Кто полетел бы? Поднимите руку», – не унимается социолог. И все как один поднимают руки, большинство даже обе. И тянут их к небу.

I

Малком Фоунтейн положил портфель на стол. Затем снял пиджак и повесил его на плечики в шкафу. После этого посмотрел в зеркало и ослабил и без того свободный галстук. Делал он все механически, не задумываясь, его голова была занята другим.

Рассеянный взгляд его задержался на розовом пятне, составленном из лепестков фиалок. Он взял графин с водой и принялся поливать цветы, чего никогда раньше не делал. Вылил всю воду на фиалки, на шарообразный кактус у окна и на разлапистый цветок, стоящий в углу. Цветок тянул к центру кабинета широкие, как теннисные ракетки, листья и своим чешуйчатым стволом напоминал пальму. Его названия Фоунтейн не знал.

Удивительно быстро наполнив подставку под кактусом, вода на этом не успокоилась, легко перевалила через край, кривым ручейком побежала по подоконнику и дальше – игрушечным водопадом – сорвалась вниз. Прodelки воды отвлекли Фоунтейна от занимавших его мыслей, и он вспомнил, что кактус вроде бы принято поливать не часто. Понаблюдав за образующейся на полу бесформенной лужей, мысленно вернулся к тому, от чего только что отвлекся.

Фоунтейну надо было спасать газету. Для этого ему предстояло найти для Ларкина бесспорные аргументы. По дороге в редакцию придумать ничего не удалось. Он рассчитывал, что в тиши кабинета сможет сосредоточиться. Для начала глубоко сел в кресло и плотно обхватил подлокотники, как пилот, готовящийся к перегрузкам. Затем критически оглядел рабочий стол, определяя, все ли готово к старту, и погрузился в размышления.

В этот день он появился в редакции необычно рано. Секретарь еще не пришла, лифты успевали отдыхать в промежутках между подъемами и спусками, в коридорах не сновали сотрудники, телефон молчал. Ничто не отвлекало Фоунтейна, но сосредоточиться не удавалось.

На столе лежала накопившаяся за неделю почта. Он с неудовольствием посмотрел на конверты и отодвинул их на край стола: бессознательно хотелось отстраниться от всего несущественного. Ему было не до почты, предстояло подготовиться к встрече с хозяином газеты. Он несколько не боялся этой встречи, был уверен в себе и переживал лишь из-за того, что газета, редакцию которой он возглавлял, перестала ему нравиться.

Предстоящее совещание было запланировано в связи с неуклонным падением тиража. Причиной падения послужило решение Ларкина отдать подвал на всех страницах, кроме первой, под рекламу. Фоунтейн предвидел подобное развитие событий и неоднократно предупреждал об этом босса. Он втолковывал ему, что увеличение объема рекламы нельзя доводить до абсурда, что ведущая газета штата стала похожа на рекламный буклет. А Ларкин твердил в ответ, что если есть желающие размещать рекламу, то почему бы не пойти им навстречу, это же дополнительные деньги. Фоунтейн не смог убедить его, что это неминуемо обернется обвалом тиража. В итоге исчезли любимые читателями авторы, многие разделы вынуждены были потесниться или выходить реже, чем прежде. Газета стала сухой и пресной, как сводка биржевых новостей.

Вспомнив последний разговор с боссом, когда тот с показным упрямством не реагировал на его доводы, Фоунтейн повернул кресло к окну, встал и приоткрыл жалюзи. Стоял нежаркий солнечный день. Небольшой, вытянутый вдоль бульвара парк перед зданием редакции утопал в густой зелени каштанов, кленов и белых акаций. Вдоль тротуаров и дорожек парка аккуратными рядами тянулись подстриженные кусты декоративной песчаной вишни. Промытая ночным дождем листва весело блестела на солнце. Вид из окна был великолепен и в другое время порадовал бы Фоунтейна, но не сегодня. Вплотную подойдя к окну и задумавшись, Фоунтейн смотрел на солнечные блики на окнах отеля «Рэдиссон» на противоположной стороне парка.

Он прекрасно знал, что собой представляет хозяин газеты, когда соглашался занять кресло главного редактора. Понимал, что будет отстаивать свою точку зрения, но никак не ожидал, что ему будет так мучительно трудно следовать пожеланиям босса. Он задавался неприятным вопросом: почему журналист с университетским образованием должен выслушивать бредовые наставления выпускника третьесортного колледжа? Он отдавал себе отчет в том, что газета является частной собственностью, но этот бесспорный аргумент не успокаивал его самолюбие. Иногда Фоунтейна одолевало желание уйти из газеты, но его останавливали две вещи: любовь к своей работе и возможность печатать то, что он хотел. Ларкин редко давал указания по поводу содержания статей, а это дорогого стоило.

Фоунтейн Ларкину тоже не нравился, но по другой причине: не очень хочется видеть высокого, подтянутого, приятного во всех отношениях брюнета с богатой шевелюрой и открытым приветливым лицом, когда сам ты невысок, полноват, лыс, всегда сосредоточен и неулыбчив. Но надо отдать Ларкину должное: он обладал чутьем на нужных для его бизнеса людей и внешнее неприятие не помешало ему предложить Фоунтейну должность главного редактора.

Секретарь принесла кофе. Звали ее Джоан. Она очень нравилась Фоунтейну. Втайне он мечтал о близких отношениях с ней, и эта мечта давала о себе знать всякий раз, как его взгляд упирался в ее стройную фигуру. Она это чувствовала. Но, несмотря на то что Фоунтейн ей тоже нравился, не делала и полшага ему навстречу. Фоунтейну, человеку с собственными правилами, с трудом удавалось придерживаться одного из них – не заводить романы на работе. Однажды ему даже пришла в голову нелепая мысль попытаться выжить ее из газеты: это развязало бы ему руки и он смог бы за ней приударить.

Вот и сейчас, как обычно, он залюбовался ее фигурой.

– Откуда у вас лужа на полу? – спросила она, поздоровавшись и поставив кофе на стол.

– Привет! Какая лужа? – не понял он и посмотрел на пол. – А, вы об этом... Это я полил цветы.

– Вы полили цветы? – удивилась Джоан. – Наконец-то вы заметили, что кроме вас в кабинете есть еще что-то живое.

В общении с шефом Джоан иногда позволяла себе безобидные шутки. Она обладала чувством меры и хорошо понимала, когда и что может быть предметом легкой иронии. Фоунтейна это не задевало. Ему даже нравилась установившаяся между ними ни к чему не обязывающая словесная игра, едва различимая дуэль; сейчас уже было не вспомнить, кто первым и когда ее начал. Но у этой игры были четко очерчены границы: она обоюдно прекращалась, как только дело касалось работы. В конце концов, рассуждал Фоунтейн, эти редкие отступления от протокола рабочих отношений лишь улучшают микроклимат и повышают производительность труда.

Фоунтейн не откликнулся на настроение Джоан, ее приправленный иронией тон его не задел. В это утро он не был расположен к подобному общению.

– Вы считаете, что я не могу полить цветы просто так, без всяких мыслей по этому поводу? – буднично спросил он.

Но Джоан не оставила попыток до него достучаться.

– Разумеется, можете, – улыбнулась она и продолжила игру: – Вы для этого приехали сегодня так рано?

– Джоан, я вижу – у вас прекрасное настроение, а у меня полно работы. Причем работы вынужденной, надуманной и появившейся не по моей вине, – невольно пожаловался он и вдруг заметил: – А почему у людей не совпадает настроение, как вы думаете? Это сняло бы много проблем.

– Каким образом? Предположим, что у вас тоже было бы сейчас хорошее настроение. Что бы это нам с вами дало?

Фраза «нам с вами» заставила его задуматься.

– Ну, мало ли, – смутился он и затем добавил: – Вам, например, не пришлось бы терять время на то, чтобы его поднимать.

Джоан почувствовала его замешательство.

– Я вижу, что вы правы: я действительно напрасно теряю время. Я вызову к вам уборщицу, – закончила она и собралась уходить.

– Она мне совершенно не мешает, – поспешил предупредить ее Фоунтейн, – я имею в виду лужу.

Он хотел, чтобы его оставили в покое и в ближайшее время ничем не отвлекали.

Джоан еще не вышла из игры, но пошутила уже без желания, по инерции и почти серьезно:

– Это вам так кажется, что не мешает. Вы можете поскользнуться и разбить себе голову. И в результате на ваше место пригласят нового редактора, и неизвестно, какие у него будут ко мне претензии и пожелания. А вы во всем достаточно умерены. Вас, например, вполне устраивают две чашки кофе в день. Меня это тоже устраивает.

Джоан закрыла дверь кабинета. Провожая ее взглядом, Фоунтейн отметил ее безупречное рыжее каре, ухмыльнулся, мотнув головой, и вернулся к столу; все-таки ей удалось его расшевелить. Он посмотрел на стопку развалившихся писем. Одно письмо выделялось необычным рыжим цветом. Отпивая из чашки кофе, он взял рыжий конверт; бумага на ощупь напоминала искусственную замшу. На лицевой стороне черным необычным шрифтом было напечатано: «Главному директору», далее шел адрес редакции, обратный адрес отсутствовал. Почему «директору», что за обращение? Посмотрев на обратную сторону конверта и ничего не обнаружив, Фоунтейн отложил его в сторону.

Кофе вернул Фоунтейна в рабочее состояние. Аргументированно изложить свои мысли в десятиминутной речи было для него делом простейшим, но он решил подготовиться основательно и набросать канву предстоящего выступления на бумаге.

Приступив к работе, он вспомнил, что Ларкин не выносит «заумных» выражений. Босса коробили даже термины, присущие газетному бизнесу, без которых порой невозможно было обойтись. Услышав незнакомое слово, он брезгливо морщился, будто в лицо ему пахнуло нечистотами, и прерывал собеседника: «А нельзя ли попроще, без этого?» Без чего «без этого» он не уточнял. Если же непонятные слова произносил докладчик, которого нельзя было прервать, лысая голова Ларкина багровела, и он предпринимал не поддающиеся объяснению попытки смять левое ухо в комок; в такие минуты свободной рукой он чертил в блокноте всевозможные узоры. Как полагал Фоунтейн, вычерчивание узоров и издевательство над собственным ухом помогали Ларкину набраться терпения и выслушать то, что слушать он совершенно не желал.

Через полчаса текст был готов. Самый неприятный для босса сюрприз, как считал Фоунтейн, заключался в том, что падение тиража начало сказываться на активности рекламодателей. Он решил, что приведет этот аргумент в конце своего выступления. Пробежав еще раз по тексту, Фоунтейн убрал листы в файл: тема закрыта, сделано все возможное. Теперь можно было просмотреть почту. Как правило, он занимался этим после ланча, когда не очень хотелось думать над серьезными вещами. Но сегодня стоило сделать исключение.

Взяв уже знакомый рыжий конверт, Фоунтейн повернул его обратной стороной к себе с намерением вскрыть и обнаружил, что у конверта нет обычного клейкого язычка. Повертев его в руках, с удивлением выяснил, что у конверта отсутствуют швы. Заинтригованный, он ножницами отрезал угол, вставил лезвие ножа в образовавшееся отверстие, разрезал конверт по краю и развернул его. На внутренней стороне конверта, похожей на пластмассовую пленку, непривычным шрифтом черного цвета было скорее выдавлено, чем напечатано, следующее:

«ПРЕДЛАГАЮ НЕМЕДЛЕННО ПЕРЕДАТЬ ВСЕМ ЦЕНТРАЛЬНЫМ СРЕДСТВАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЯ ВТОРОЙ ТЕКСТ. ЭТО ОЧЕНЬ ВАЖНО. МОГУТ ПОГИБНУТЬ ЛЮДИ. ВЫПОЛНЯЙТЕ».

И далее через строку на незнакомом Фоунтейну языке была напечатана вторая часть текста.

Некоторое время Фоунтейн разглядывал текст письма и вертел в руках то, что недавно было конвертом. Он как будто попал под гипноз. Насмотревшись всякой галиматши, прихотлившей по почте, решил было выбросить письмо в корзину, но что-то остановило его. И это что-то было не странным текстом, а необычным материалом конверта. К тому же любопытство требовало узнать, что написано во втором абзаце.

Фоунтейн не любил обращаться к подчиненным за помощью по мелким вопросам, но пересилил себя и спустился этажом ниже к Стиву Лоренсу. Лоренс заведовал отделом международных новостей и мог немного читать по-русски.

– Привет! По почте пришло. Подскажи, что здесь написано, – попросил Фоунтейн и протянул лист сидящему за компьютером белокрысому полному господину.

Движения Лоренса, как и его речь, были неспешны и основательны. Лоренс не стал задавать вопросов. Поменяв одни очки на другие, он пробежал глазами первый абзац, затем выгнул дугой бесцветные брови, хмыкнул себе под нос и углубился в чтение второго абзаца. С ходу прочитать текст ему не удалось, он с нежеланием выбрался из кресла и прошел к стеллажу, на котором стояли два десятка иностранных словарей. Осилив текст с помощью словаря, недоуменно воззрился на шефа.

Лоренс был опытным журналистом и хорошо разбирался в мире новостей. Фоунтейн ценил Лоренса, но его медлительность порой просто выводила из себя.

– Так и будешь смотреть? Я в порядке, – Фоунтейн старался улыбаться. – Что написано? Не тяни, читай.

Подчинившись требованию шефа, Лоренс прочитал второй текст письма:

«ГРАЖДАНЕ РОССИИ. МЕНЯ ЗОВУТ СОЛ. Я С ПЛАНЕТЫ ВЕРУМ. Я ЖЕЛАЮ ДОБРА. Я БУДУ ВЫПОЛНЯТЬ ПРОГРАММУ «СВОБОДНОЕ РАЗВИТИЕ» ДЛЯ РОССИИ. ПЕРВЫЙ ШАГ ПРОГРАММЫ – ОТКАЗ ОТ МАШИН С МИГАЮЩИМИ ОГНЯМИ НА КРЫШЕ. ТАКИЕ МАШИНЫ БУДУТ УНИЧТОЖАТЬСЯ НА ВСТРЕЧНОЙ ПОЛОСЕ. МИГАЮЩИЕ ОГНИ МОЖНО ОСТАВИТЬ НА КРЫШАХ МЕДИЦИНСКИХ МАШИН, МАШИН ТУШЕНИЯ ОГНЯ И НА МАШИНАХ ОХРАНЫ ПОРЯДКА. НАЧНУ ВЫПОЛНЯТЬ ПЕРВЫЙ ПУНКТ ПРОГРАММЫ ЧЕРЕЗ ТРИ ДНЯ НА УЛИЦАХ ГЛАВНОГО ГОРОДА МОСКВА».

Прочитав, Лоренс снова уставился на шефа, всем своим видом показывая, что его нагружают бессмысленной работой. Фоунтейн задумался на секунду и спросил:

– Что скажешь?

– Обыкновенное дерьмо. Ты сам разве не видишь?

Фоунтейн пропустил грубость коллеги мимо ушей.

– Они что, действительно ездят по встречной полосе?

– Русские? Откуда мне знать, – недовольным тоном ответил Лоренс. – Может, это у них там модный экстрим, современный аналог русской рулетки.

– А конверт? – не реагируя на недовольство Лоренса, спросил Фоунтейн. – Конверт тебе о чем-нибудь говорит?

Лоренс повысил голос:

– Какой конверт?!

В глазах Фоунтейна промелькнули искорки раздражения. Он нетерпеливым движением забрал лист у Лоренса.

– Это было конвертом, – Фоунтейн сложил лист пополам и продемонстрировал Лоренсу, крутя конверт перед его носом. – Обрати внимание на материал. Ты когда-нибудь видел такую бумагу? А такой шрифт? Не ленись – пощупай, – предложил Фоунтейн и вернул конверт Лоренсу.

Тот занялся его изучением.

– Шрифт мне незнаком. Но это не значит, что его занесли к нам космические пришельцы, – в голосе Лоренса звучала неприкрытая ирония. – Бумага необычная. Да это даже и не бумага. И что это доказывает? Это доказывает лишь то, что *я лично*, – Лоренс сделал ударение на последних словах, – такую бумагу и такой шрифт ранее не встречал. Да я много чего в жизни не встречал, – почти ехидно добавил он.

– А зачем так изысканно преподносить дерьмо, как ты думаешь?

Лоренс выразительно пожал плечами. Не понимая, что загоняет себя в дурацкое положение, Фоунтейн продолжил с прежней настойчивостью:

– На этом конверте не было ни единого клееного шва, он был цельным!

Лоренс, как капризный ребенок, выпятил полные губы и опять пожал плечами. И только после этих ужимок коллеги до Фоунтейна дошло, что он сел в лужу. Фантазируя по поводу письма, он так увлекся, что потерял чувство меры. И Лоренс оказался тому свидетелем. Надо было как-то выходить из положения. Фоунтейн внутренне собрался, взял у Лоренса письмо, не спеша скомкал его и демонстративно бросил в мусорную корзину.

– В общем, ты прав: паранойя. Оторвать бы автору яйца, если они у него есть, – выругался Фоунтейн, после через силу улыбнулся и хлопнул Лоренса по плечу. – Извини, что побеспокоил.

Уже стоя в дверях, он решил, что надо закончить разговор на какой-то другой теме. Не найдя ничего подходящего, спросил первое, что пришло в голову:

– Стив, международную колонку сверстал? Можешь показать?

Лоренс развернулся в кресле, задрал кверху брови и, не мигая, уставился на Фоунтейна. Эти дурацкие, сопровождаемые недоуменным выражением лица паузы Лоренса бесили всех без исключения сотрудников редакции. В этот момент Фоунтейну захотелось его убить еще и потому, что он понял: Лоренс почувствовал надуманность его вопроса.

– После ланча, как обычно. А что, надо быстрее?

Лоренс широко улыбнулся.

Лучше бы он этого не спрашивал и тем более не ухмылялся, скаля зубы.

– Нет, не надо. Хотел взглянуть и сразу обсудить, раз уж я у тебя, – едва сдерживаясь, ответил Фоунтейн.

Возвращаясь к себе, он чувствовал, как щеки его пылают огнем. В кабинете он выпил целый стакан воды и с неприятной мыслью о том, проболтается Лоренс о его глупой фантазии или нет, продолжил знакомиться с почтой.

II

Транспорт Солу достался из новой серии, его конструкция была существенно изменена, он стал мощнее и маневреннее. Сола особенно порадовала улучшенная эргономика пульта навигации, управление транспортом за таким пультом не утомляло, за время полета к Земле он смог это оценить.

Первые две недели на Земле прошли в изучении обстановки и адаптации к новому ритму жизни. Сол каждый день контролировал эфир и земную компьютерную паутину, и эта размерность подготовительной фазы немного расслабила его. Но всему приходит конец: сегодня предстояло принять решение о начале активных действий.

Слегка покачиваясь, Сол полулежал в матерчатом кресле и через пластиковый наконечник гибкой трубки потягивал тонизирующий напиток. Трубка в такт покачиванию то вытягивалась из отверстия в стойке питания, то возвращалась обратно. Сол уперся ногами в торец стойки – ноги оказались выше головы. Это была его любимая послеобеденная поза. Напившись, он зафиксировал наконечник в гнезде стойки и подумал, что система питания, к сожалению, осталась без изменений. Разве что консистенцию смесей теперь можно было менять, и они могли подаваться в виде окатышей или коротких волокон, хоть как-то напоминая обычную пищу.

С нарукавного пульта Сол приглушил освещение и посмотрел на экран обзорного монитора, дающего панорамную картину местности. Небольшой остров, на котором он расположил транспорт, находился в трехстах метрах от берегов вытянутого с севера на юг озера. Берега заросли камышом и кустарником и кое-где были оторочены сизыми елями и низкорослыми березами. Дальше за кустарником и деревьями тянулись поля пшеницы. Он уже не первый день с любопытством смотрел на них. Когда налетал ветер и колосья синхронно раскачивались и гнулись к земле по всему полю, он не мог оторваться от экрана. Ему казалось, что это живое полотно, он даже переживал, что колосья могут сломаться. Такой красоты он никогда прежде не видел. Он максимально приближал неведомые ему растения и подолгу рассматривал бледно-желтые кисточки на высоких стеблях. Или всматривался в червоточины на белых стволах берез, в трясущуюся на ветру листву и бурые сережки. С интересом разглядывал причудливые шишки на развесистых белесых лапах елей и красные покрытые едва заметным пушком ягоды боярышника. Или увеличивал на весь экран запленившие прибрежное мелководье цветы водяных лилий и оставлял монитор в таком положении для украшения комнаты отдыха. Однажды ему довелось увидеть оленя с олененком, животные пили воду. Он обрадовался выпавшей удаче, сделал несколько снимков и позже изучал морды оленей: их настороженные печальные глаза, большие стоячие уши, мокрые пупырчатые носы с раздутыми ноздрями.

Разнообразие земной природы восхищало Сола. Любуясь земными красотами, он вспоминал унылый каменистый ландшафт Верум, всюду изрезанный каньонами и утыканный остроконечными холмами. Что касается цветовой гаммы, его планета мало чем могла привлечь внимание: на Верум преобладали всевозможные оттенки синего цвета. Только в районах с теплыми озерами можно было увидеть красновато-коричневую почву и произрастающую там небогатую растительность.

Вот и сейчас, прокручивая колесико панорамного обзора, Сол получал удовольствие от земных картин и не торопился расстаться с ними. Оглядев берега приютившего его озера и не обнаружив ничего, что могло бы потребовать действий с его стороны, он вывел на экран полюбоившиеся ему цветы лилий и закрыл глаза.

С минуты на минуту на связь должен был выйти куратор экспедиции. Надо было доложить Локу о проделанной работе и получить у него разрешение на начало «умеренного принуждения» по программе «Свободное развитие». Контроль эфира по России ничего не дал. Это означало, что информация не дошла либо была заблокирована; такой вариант развития событий предполагался. Если и вторая попытка не даст результата – воздействия точно не избежать, это было его мнение.

Мягко зажужжал зуммер, на экране дальней связи появился Лок в неизменной черной водолазке и с неизменной улыбкой на узком лице. «Да, сравнение явно не в нашу пользу», – подумал Сол, переводя взгляд с серого гладкого черепа Лока на разноцветные лилии.

– Приветствую! – поздоровался Лок. – Выглядишь хорошо, значит, успел адаптироваться. Как дела?

– Без особенностей, по плану.

– Если я не ошибаюсь, ты на Земле ни разу не был. Как она тебе?

– Такой красивой планеты я еще не видел, – ответил Сол. – Меня поразила красота Земли, когда я изучал отчеты гуманитариев. Но когда видишь это собственными глазами – впечатления гораздо сильнее.

– Я тебе завидую, – с чувством сказал Лок. – Теперь о деле. Расскажи все, что считаешь нужным. О точке ввода информации, пожалуйста, подробнее.

Сол сцепил пальцы, собираясь с мыслями.

– Как ты знаешь, наши коллеги из гуманитарного подразделения проработали здесь около года. Они рекомендовали организовать точку ввода информации на территории Америки. Я с ними согласен, – Сол встал с кресла и засунул руки в карманы комбинезона. – Во-первых, как и с языка России, гуманитариями создан транслятор с языка Америки, – улыбнулся он.

Лок улыбнулся ему в ответ. Оба прекрасно знали, что без наличия трансляторов экспедиции подобно той, в которую был направлен Сол, Центром Освоения Пространства – сокращенно ЦОП – никогда не предпринимались.

– Информационное поле этой страны свободно, – продолжил аргументировать Сол. – На Земле язык Америки наиболее широко распространен. А для информационного проникновения в Россию нам может потребоваться самая широкая огласка наших действий.

– Выбор понятен. Теперь конкретно: где и почему.

– Выбор делал, исходя из того, что точка забора воды и точка ввода информации должны располагаться недалеко друг от друга. Это на севере Америки. Расположился на небольшом озере. Параметры воды не выходят за предельные значения, забирать удобно, местность малонаселенная.

– Что о вводе информации? – Лок постучал карандашом по столу, невольно подчеркивая важность вопроса.

– В качестве средства распространения информации использую газету. Газета известная, контроль эфира это подтверждает. Но это не главное. Главное, чтобы нашу информацию восприняли серьезно. Но об этом позже. Кстати, ввод через печатное издание – это рекомендованный гуманитариями способ. Для доставки информации использую почтовую систему.

Лок задумался, зажав лицо между ладонями, отчего оно стало еще уже.

– А как обстоят дела с прозрачностью костюма и транспорта? Гуманитарии в отчетах отмечают, что полной прозрачности не удавалось достичь во время сильного дождя. У тебя была возможность это проверить?

– Да, это так, но этого уже не поправить, – сказал Сол. – Буду предельно осторожен.

– Я тебе напоминаю принципиальное положение программы: не должно быть никаких прямых контактов, – впервые за время разговора улыбка исчезла с лица Лока. – Не сочти меня занудой, но ты допускал вольности на других планетах. Здесь этот номер не пройдет. Земля

к этому совершенно не готова. И еще: не нагружай, пожалуйста, ненужной работой базовый корабль. Ты же знаешь...

Сол поднял руку, останавливая Лока.

– Стоп! Достаточно того, что сказал, – не выдержал он. – Ты, наверное, забыл, что это моя тридцать вторая экспедиция. Ты понимаешь, что это такое? Поэтому не надо перечислять мне прописные истины. Я прекрасно осведомлен о запрете контактов в рамках экспедиции.

– Не заводишь, – заволновался Лок.

– И какой ненужной работой я нагружал базовый корабль? Это же было сто лет назад. У тебя там перед глазами случайно не мой послушной список светится?

Лок потупил глаза, и Сол понял, что угадал.

– Давай с тем случаем покончим раз и навсегда. В моем рапорте все изложено. Я пропал из эфира, потому что отключил нательный пульт, у меня садилась батарея. Иначе могло быть хуже, складывалась экстремальная ситуация...

– Сол, остановись, пожалуйста, – начал упрасивать Лок.

– Подожди. И базовики ко мне не прилетали, они сразу вернулись, как только я вышел на связь.

– Я все это знаю. Я тебе просто напомнил.

Сол знал, что пытаться Лока бесполезно, ничего не добьешься. Оставалось поверить в случайность, ведь к той нештатной ситуации действительно никто и никогда не возвращался. Он сел в кресло и перевел взгляд на лилии, на Лока смотреть не хотелось.

Лок решил, что Сол успокоился, и продолжил.

– Что с первым вводом? – по-деловому спросил он, пытаясь вернуть разговор в спокойное русло.

– Не дал результата. Эфир не подтверждает распространение информации. Сегодня послал второе сообщение.

– По содержанию такое же?

– Предложил, если не считают нужным передавать информацию в Россию, отследить информацию о моих действиях в последующие дни.

– Передадут, как думаешь?

– Хотя бы поинтересовались последствиями, – скептически заметил Сол. – Гуманитарии в отчетах отмечают, что средства информации на Земле распространяют самые разные сведения, вплоть до ничтожных. А наша информация – это сенсация. Видимо, они ошиблись.

Сол замолчал, продолжая покачиваться в кресле. Лок задумался. Ему надо было решиться на принудительные действия, а это всегда давалось нелегко. Он начал рассуждать вслух, пытаясь привлечь Сола к принятию решения.

– Нам никто не запрещает послать столько сообщений, сколько мы считаем нужным. В этом смысле мы никуда не торопимся. А ты, значит, считаешь, что продолжать это бессмысленно?

– Я ничего не считаю, а докладываю тебе обстановку, – сдерживая себя, сказал Сол. – И жду твоей команды. А *считают* гуманитарии, они здесь целый год проработали.

Не получив поддержки Сола, Лок тем не менее ушел от прямого ответа.

– Проверяй эфир три дня. У них тоже ведь могут быть задержки. Мы считаем, что это сенсация, как ты говоришь, а для землян это, возможно, просто глупая шутка. Через три дня доложи результат. Я к тому времени проконсультируюсь в гуманитарном подразделении и затем приму решение.

Сол молчал. Все обсудили, говорить о чем-либо, кроме работы, не хотелось.

– Как у тебя отношения с Роном? – неожиданно спросил Лок.

– Ты имеешь в виду командира базового корабля? С оперативниками у меня всегда были прекрасные отношения, – ответил Сол, невольно намекая на их с Локом словесную перебранку. – С Роном я и раньше работал, но в других секторах Пространства.

– Не забывай информировать его о времени автономных выходов и связанных с ними перемещениях транспорта. Я тебе просто напоминаю, – поспешил добавить Лок, предупреждая возможную реакцию Сола. – Между прочим, с Роном в экипаже два оперативника. Его жена Сиу, мне кажется, что ты должен ее знать. И новый аэронавт, на днях прибыла, дай вспомнить, – Лок сделал вид, что задумался. – Лоа! Да, точно, Лоа.

Лок заметил, как Сол вытащил руки из карманов, сжал подлокотники кресла и подался вперед. Получив нужное ему подтверждение, Лок довольно улыбнулся и махнул Солу рукой.

– Вроде бы все обсудили. Удачи.

Экран погас, и только теперь Сол понял, зачем Лок просил его «не нагружать ненужной работой базовый корабль».

III

Димка родился в Белоруссии. Отец его в то время служил в артиллерийской части, мать преподавала в начальных классах средней школы. Потом Димка неоднократно переезжал с родителями, меняя военные городки и школы, пока не оказался в Козельске, где отец закончил службу ракетчиком в звании капитана.

Высшего образования у Димкиного отца не было, на высокие должности претендовать он не мог и к службе относился без рвения. И до этого частенько прикладываясь к бутылке, в конце службы он начал крепко выпивать и срывать на работе и дома. После увольнения в сорок лет устроился на работу в автошколу, где стал преподавать Правила дорожного движения и устройство автомобиля.

То, что его отец неудачник, Димка окончательно понял в десятом классе. Это случилось, когда школьный военрук пояснил ему однажды, что звание «капитан» относится к категории младших офицеров. Думать об отце как о младшем офицере было для Димки унижительно. И с этого момента у него появилась маниакальная цель взять у судьбы реванш за отца, за его низкое звание, за его водительские курсы, наконец. Он стал хорошо учиться, чем удивил всех, и после окончания школы объявил о намерении поступать в ракетную академию. Отец этому обрадовался, а мать огорчилась, помня бесконечные переезды семьи и неудавшуюся карьеру мужа, закончившуюся пьянством. Когда провожали Димку в Москву, мать, понимая, что ничего не может изменить, всплакнула на перроне. А подвыпивший отец, крепко пожимая Димке руку, шепнул ему на ухо: «Сынок, покажи им там всем, пидорам!» И Димка показал: в академию поступил, учился хорошо и закончил академию с красным дипломом.

Когда пришло время распределяться, к Димкиному крайнему удивлению, выяснилось, что наличие красной корочки не гарантирует хорошей должности. Курсантам, чьи родители имели связи и влияние, кадровая комиссия легко раздавала московские синекуры, коих в военном ведомстве была тьма-тьмущая. А ему, как заслужившему привилегии, предложили на выбор две дыры: либо ракетный полк в Мозыре, что в родной Белоруссии, либо городок Тейково, что в Ивановской области. Искренне надеясь, что красный диплом если не выравняет его с блатными товарищами, то по крайней мере защитит от подобных предложенных ему дыр, он потерял дар речи, когда услышал решение комиссии. Наивный, он и представить себе тогда не мог, сколько их было, блатных, в академии, расположенной в центре Москвы в шаге от Кремля. Вот, оказывается, для чего он пять лет грыз гранит науки, вместо того чтобы в свое удовольствие резаться в преферанс на пиво и кутить с легкодоступными девчонками. Нанесенная ему обида была ужасной, он долго потом не мог ее в себе изжить. Совершенно опустошенный после оглашения кадрового приговора, он вышел в коридор, чтобы использовать данные ему на раздумье в качестве бонуса пять минут. Во время этих призовых минут его судьбу простым житейским советом определил курсовой офицер: «Дима, езжай лучше в Тейково. Это же Ивановская губерния, ситцевый край. Там мужиков катастрофически не хватает, а баб с избытком. Напробуешься всяких вволю, а как надоест – выберешь себе самую-самую и женишься». Дмитрий так и сделал, в смысле поехал в Тейково и нашел там себе красавицу Веру сорока лет.

За полгода до встречи с Дмитрием Вера развелась с мужем. Ее взрослая дочь остро переживала одиночество матери; окончив школу, она уехала на учебу в Ленинград, к бабушке. Вера осталась совсем одна.

Она работала буфетчицей в офицерском буфете. Дмитрий обратил на нее внимание при первой же встрече. После этого, заходя в буфет перекусить, с интересом наблюдал, как она ровно, без эмоций общается с посетителями, лишь слабой улыбкой откликается на их шутки, многих называет по имени, но ни о чем, кроме заказа, никого не спрашивает, будто окружаю-

щие не интересны ей вовсе. Казалось, что она всегда была в хорошем настроении, но немного замкнута. Она носила темные однотонные юбки и светлые цветные блузки. В ее одежде неизменно присутствовал накрахмаленный белый передник и кокошник с кружевными краями – дань требованиям начальства.

Белоснежный передник буфетчицы невольно напомнил Дмитрию неприятный сюрприз, преподнесенный ему одной московской знакомой, за которой он ухаживал целый месяц. Он щедро тратил скромное курсантское жалованье в расчете на ее отзывчивость, но ему так и не удалось встретиться с ней наедине в каком-нибудь укромном месте. Знакомая как-то пригласила его, ничего не объясняя, в театр на дневной спектакль, и он – с надеждой на эту встречу, счастливый и сверх меры наодеколоненный провинциал – примчался в театр в новом костюме и встретил ее там с маленькой дочкой; приподнятое настроение бесследно исчезло. Делать было нечего, в качестве заключительного аккорда их недолгих отношений пришлось посмотреть детский спектакль. Он два часа мучился от соседства чужих ему мамы с дочкой и от духоты на балконе театра, раздражаясь с каждой минутой все больше, и за это время, не располагаящее к рождению добрых чувств, хорошо запомнил актрису с косичками и бантами, игравшую капризную куклу в белом переднике и короткой юбке. Кукла была заводной, с угловатыми механическими движениями. Она часто наклонялась, широко расставляя ноги и демонстрируя залу кружевные панталоны. И вот теперь, глядя на Веру, Дмитрий обнаружил, что эта деталь ее одежды – передник – будоражит его воображение.

После этого случайного открытия он стал задерживаться в буфете дольше необходимого, когда все заказанное было уже выпито и съедено. Сидел без дела, общался с сослуживцами и украдкой поглядывал на Веру. Отмечал про себя, как она ловко открывает бутылки с водой, как, чуть наклонив голову набок, ждет, когда самовар наполнит чашку, как позволяет конфетам падать из зависшей над весами маленькой руки, добавляя карамель до нужного веса. Когда она улыбалась, в углах ее рта появлялись две маленькие, едва заметные складочки, похожие на круглые скобки в предложении. Ему это нравилось. Ему нравились ее выющиеся светлые волос, ее снисходительные и чуть насмешливые глаза, несуетные движения рук. Она никогда не повышала голоса и, казалось, была невозмутима. Тогда он еще не знал, что ее невозмутимость и спокойствие были лишь внешним проявлением безразличия, поселившегося в Вериной душе.

Однажды засидевшись за чаем и, как обычно, поглядывая на Веру, он подумал, что *ее нет рядом*, что она где-то далеко, вне стен буфета – настолько она была отстранена от того, что здесь происходило, настолько все это ее не интересовало. А почувствовав ее отстраненность, сделал неприятное для себя открытие, что и он сам – лишь отдельный предмет фона, на котором протекала ее *настоящая*, скрытая от него и потому неизвестная ему жизнь. И с этого дня в душе его поселилось томительное беспокойство, как бывает при зарождении неведомой болезни и сопутствующей ей поначалу едва различимой, не испытанной ранее скрытой боли, когда причина ее непонятна, и от этой неопределенности не находишь себе места. Прошло время – и к беспокойству прибавилось странное ощущение, что Вера к нему несправедлива, будто она обещала вести себя по отношению к нему как-то иначе, но не сдержала слова, и его надежда на ее благосклонность оказалась под угрозой. Он стал постоянно думать о ней, у него появилась навязчивая потребность быть отмеченным ею, выделенным из многолюдного фона, потребность попасть в ее *настоящую* жизнь, отвоевать там себе место, добиться хотя бы ее заинтересованного взгляда и обращенного лично к нему слова.

Как-то раз перед самым закрытием он оказался в буфете один. «Будешь еще что-нибудь?» – спросила Вера. «Нет, спасибо», – ответил он. Она подошла к его столу убрать посуду и вопросительно посмотрела на него. «Решил задержаться», – напряженно улыбнувшись, пояснил он. И от этой своей фразы, отрезавшей путь к отступлению, осмелел и поверил, что она не поднимет его на смех, разрешит остаться. Она посмотрела на него и не удивилась: «Если решил – задерживайся»; начала протирать столы, он не сводил с нее глаз. Она чувствовала его

взгляд, его волнение, и от этого ей вдруг стало по-девичьи легко и весело. «Тебя как зовут, лейтенант?» – спросила она, расставляя стулья и едва не смеясь. «Дмитрий». В буфет заглянул опоздавший посетитель. Вера сказала ему, что закрылась, и предложила: «Дима, можешь пройти в подсобку. Не стоит мозолить всем глаза. Я скоро освобожусь». Он взял фуражку и ушел, а она закончила уборку зала, пересчитала деньги, сделала записи в своей приватной тетрадке и закрыла кассу. Потом сняла кокошник, посмотрела в зеркало на задней стенке буфета – в пролет между самоваром и стопкой тарелок, взбила волосы над ушами, улыбнулась сама себе и погасила свет.

Он с нетерпением ждал ее, сидя на продавленном диване и гадая, как у них все получится. «К вечеру ужасно гудят ноги, того и гляди отвалятся. Не возражаешь, если босоножки сниму? – появившись в дверях, спросила Вера и, не дожидаясь его согласия, сбросила с ног босоножки в углу под вешалкой и надела шлепанцы. – Спиртного в буфете нет, – она улыбнулась ему и добавила: – Вообще, важные вещи надо делать на трезвую голову – согласен?» Вмиг оробев, он кивнул в ответ, сцепил руки на животе, затем вернул их на колени. Она заметила тревожную перемену в его лице. «Что ты так разволновался?» – «Я не разволновался», – сказал он и покраснел. «Какой пугливый лейтенант пошел, – она покачала головой, сдерживая смех. – Наверное, уже забыл, зачем пожаловал». Она хотела вывести его из состояния оцепенения, но эффект получился обратный: он совсем смутился, даже не смог ничего ответить, так и продолжал сидеть, глядя перед собой. Он не мог поверить, что она с ним так разговаривает. Она тоже растерялась, не знала, что и подумать на его счет. Наконец он решился сказать: «Зачем вы так? С другими – пожалуйста...» – «Других нет», – отрезала она, не давая ему закончить фразу, и внимательно посмотрела на его бледное лицо. Потом убрала с дивана фуражку, под села к нему, спросила мягко: «Дмитрий, ты влюбился в меня, да?» – «Вы мне нравитесь», – с трудом произнес он пересохшими от волнения губами. «Не сомневаюсь, иначе зачем бы ты остался, – Вера отстранилась от него. – А вообще я тебя обидела, прости, пожалуйста». – «Ничего страшного», – ответил он, боясь поднять на нее глаза.

Они замолчали. Вера смотрела на его профиль. Прямой нос, неровно подбритый висок, длинные ресницы, излишне сжатые от волнения губы. Ей стало жаль его, теплая волна участия поднялась у нее в груди, самой вдруг нестерпимо захотелось любви и ласки, в душе началось брожение неясных спутанных чувств. Почти не лукавя, неожиданно для себя произнесла: «Ты мне тоже нравишься». С трудом двинув кадыком вверх-вниз, он сглотнул слюну, часто заморгал девичьими ресницами. Она попыталась пригласить его непослушный чуб, он не сопротивлялся. Не спеша сняла с него галстук, расстегнула воротник рубашки, поводила тыльной стороной ладони по щеке и едва слышно сказала: «Колючий». От нежных прикосновений ее гладкой руки Дмитрий неожиданно пришел в себя и чудесным образом осмелел. Она почувствовала это, зашептала: «Дима, у тебя все получится». Затем повернула его голову к себе, посмотрела в его затуманенные от страсти глаза, разомкнула влажные ждущие губы: «Поцелуй меня».

Они жадно целовались. Она расстегнула блузку. Он с неудержимой страстью ласкал ее красивую грудь и упругие соски. Поощряя, она гладила его по стриженному затылку. Потом попросила: «Раздень меня». – «Не надо», – шепотом ответил он. «Почему?» – удивилась она. Он помог ей встать и увлек за собой к столу. «Может быть, мне лучше раздеться?» – вновь спросила она. «Не надо», – нетерпеливо ответил он. «Передник хотя бы сниму». Он остановил ее: «Я хочу в переднике». Затем добавил срывающимся на хрип, сдавленным голосом: «Сними юбку». Она расстегнула молнию, позволив юбке упасть на пол, и отшвырнула ее ногой в сторону. В этот миг он почувствовал, что хотел бы взять ее силой, как не раз в мыслях своих он хотел насиловать ту – из прошлого – театральную дамочку с косичками и передником, взломать и растоптать ее капризную кукольную девственность.

Он уже не мог сдерживать себя и схватил Веру за бедра. Сколько это продолжалось, он не помнил; прикрыл глаза и сквозь прищур размыто видел перед собой лишь вызывающе белый бант из завязок передника...

Потом они с умиротворенными лицами отдыхали на диване. До него у нее давно не было мужчины; до нее у него давно не было женщины, а те несколько случаев, которые выпали на его долю в курсантские годы, не дали ему никакого любовного опыта. Она положила голову ему на плечо. Ей не хотелось его отпускать, с ним оказалось хорошо. Что же будет дальше? И надо ли, чтобы было дальше? Она гладила его руку, перебирала завитки волос, трогала его длинные сильные пальцы, а он ел овсяное печенье и запивал молоком из бутылки.

«Как ты угадала, что мне принести из буфета?» – спросил он. «Я видела, как ты смотрел на меня все это время, – улыбнувшись, ответила она, – и успела изучить, что ты чаще всего берешь. Откуда у тебя такая любовь?» – «Ты про что? Про какую любовь? – спросил он и, обрадовавшись образовавшейся двусмысленности и подвернувшейся возможности пошутить, выпалил, не успев подумать: – И та и другая – с голодухи». Она отпустила его руку, убрала голову с его плеча. Тут только до него дошло, что он натворил. Он смутился и, не найдя ничего лучшего, попробовал продолжить шутку: «А у тебя откуда?» – «Оттуда же», – холодно ответила она. Наступила неприятная тишина. Не зная, как исправить положение, он принялся сбивчиво рассказывать, как после третьего курса был на войсковой стажировке, как там плохо кормили, как они мучились от этого, ели дрянные консервы. Потом случайно узнали об офицерском буфете, в котором всегда в продаже было печенье и иногда завозили молоко...

Она остановила его: «Я поняла, от смерти тебя спас офицерский буфет; достаточно подробностей, меня от армейской жизни давно тошнит, пора по домам».

Ее тон и слова сразили его так, будто лишили будущего. Он соскользнул с дивана на пол, обнял ее колени, начал исступленно целовать: «Верочка, прости меня, пожалуйста, умоляю. Это я брякнул, не подумав. Ты мне очень нравишься, честное слово, очень...» Она долго смотрела в его карие влюбленные глаза; не поверить в его искренность было невозможно. Потрепала по волосам, подумала: «Совсем мальчишка, ему бы за дочерью моей ухаживать». Вслух сказала: «Если хочешь – проводи меня», – не догадываясь, что этим предложением сделала его счастливым.

Был конец сентября, деревья и кусты наполовину освободились от листвы, промозглый ветер продувал одежду и норовил сорвать с Дмитрия фуражку, а с Веры – берет. Не спеша и беззаботно они брели по узким улочкам и целовались, пока не оказались на окраине военного городка. Около панельного пятиэтажного дома с фасадом, расчерченным черным битумом на правильные квадраты, Вера остановилась и указала на третий этаж: «Мы пришли, вон мои окна». Окна ее квартиры выходили во двор, щедро утыканный автомобильными крышами-клумбами с облупившейся белой краской.

Не сговариваясь, они пошли к ней, будто это было давно решено. «Не шуми, – шепотом предупредила она в полутемном подъезде, – у нас в городке все спят очень чутко, надо же постоянно быть начеку. Ядерный щит родины, сам понимаешь». За ее миролюбивой усталой иронией угадывались такая отчаянная тоска и безысходность, что даже Дмитрий, все еще находившийся под впечатлением от счастливых минут прошедшего вечера и по молодости пока не научившийся тонко слышать других людей, почувствовал это. Когда она открывала дверь квартиры, он спросил: «Вера, скажи, тебе здесь что – очень плохо?» – «Очень, – не удивившись вопросу, ответила она, – безумно плохо». Она провела его в гостиную, заметила его тревожный взгляд и успокоила: «С тобой ничего такого не произойдет, не волнуйся». Потом улыбнулась: «Но сейчас мне гораздо лучше, и это благодаря встрече с тобой». Затем кивнула на диван: «Располагайся здесь, это самое удобное место».

Пока она что-то делала на кухне и в соседней комнате и, как ему показалось, даже с кем-то разговаривала, он рассматривал комнату. Все здесь напомнило ему гостиную родительской

квартиры: тот же сервант, заставленный хрусталем, тот же платяной шкаф с торчащим из него и грозящим упасть на пол латунным ключом, та же люстра с плафонами в виде лилий и та же чайная роза в горшке на полу. Кажется, даже ковер на стене за его спиной был с тем же восточным узором. Разве что большой книжный шкаф, заполненный книгами, был исключением: у родителей тоже был книжный шкаф, но его, помимо немногих книг, занимали фотографии в рамках, цветы в горшках, многочисленные статуэтки и прочие мелкие безделушки.

Вскоре в гостиную вернулась Вера. Она едва справлялась с ношей и еще из коридора попросила Дмитрия: «Помоги скорее, а то уроню». Вместе они поставили на журнальный столик рюмки, коньяк, вазу с конфетами, большое блюдо с бутербродами и розетку с дольками лимона.

«Предлагаю продолжить вечер», – улыбнулась Вера. Он посмотрел на нее и замер в изумлении. На ней было длинное шерстяное платье болотного цвета с чуть расклешенными рукавами три четверти, коричневые туфли на каблуке и серебряные украшения: сережки, массивное кольцо, широкие браслеты на обеих руках и крупный перстень – все с коричневыми камнями. Она была очень красива в этом платье. Едва придя в себя, Дмитрий сделал в направлении Веры круговое движение рукой: «А это... все... откуда?» – «Это все от моей мамы. Платье ее, а украшения ей перешли по наследству. Тебе нравится?» – «Очень! Ты стала совсем... другой, – он не смог подобрать нужные слова и смутился. – А кто твоя мама?» – «Сейчас пенсионерка, а была доцентом, филологом. Она коренная петербурженка. Что еще тебе рассказать?» Он пожал плечами. «Она ходила в этом платье?» – «Ты удивлен? – улыбнулась Вера и поправила его: – Но не ходила, а носила. Она любила носить длинные шерстяные платья и часто появлялась в них на лекциях. А еще она у меня засовывает носовые платки в рукава, на дух не переносит золота и с блокадных времен курит папиросы. И может, между прочим, кого угодно поставить на место крепким словом, если ситуация того заслуживает». – «Ты ее, наверное, очень любишь». – «Я ее обожаю, – с чувством ответила Вера и предложила: – Дима, давай выпьем за знакомство, а потом ты еще что-нибудь спросишь». Он наполнил рюмки и они выпили.

Вера пыталась расспросить его о родителях: где живут, чем занимаются. Он отвечал односложно, скованно – без всякого желания. Она почувствовала, что он стесняется своих родителей. Он, в свою очередь, засыпал ее своими вопросами. Вера отвечала без эмоций и без стеснения – и при этом отстраненно, забыв на время о Дмитрии, будто рассказывала сама себе, вспоминала свою жизнь, чтобы не забыть. Увлечлась, и постепенно ее рассказ потек сам собой. Она даже удивилась своей откровенности: никогда ни с кем так не делилась, а тут раскрылась первому попавшемуся мальчишке.

Отца она почти не помнила, единственная хорошо запомнившаяся деталь – его колючая борода; он умер во время блокады Ленинграда. Все золотые украшения мать отдала скупщикам за хлеб и с тех пор ненавидит золото. Серебряный комплект, что на ней, – единственное, что осталось из украшений, правда, самое любимое матерью. Они жили на Васильевском острове, в коммунальной квартире, которая вся когда-то принадлежала родителям матери. Вера вышла замуж за выпускника военного института, поехала с ним на Север, родила дочь. Потом перевелись сюда, как оказалось – на долгие годы. Впервые увидев этот городок, Вера поклялась себе сделать все, чтобы отсюда вырваться. А вырваться, любя мужа и не разрушая семью, можно было лишь обеспечив мужу карьеру. Этим она и занялась. Работы здесь никакой не было, она по специальности архитектор. Пошла в отдел кадров, самое лучшее место для продвижения мужа. Устроилась туда ценой унижений. Ненавидела себя за это, а теперь, когда муж бросил ее и вырвался отсюда – ненавидит вдвойне. Сразу после развода не уехала, решила, что десятый класс дочери лучше закончить здесь. После развода из кадров ее попросили, с трудом устроилась в буфет. Уехала бы отсюда в любое время, но три взрослые женщины в одной комнате – это очевидный перебор. Хотя, вероятно, вскоре решится и на это.

Дмитрий внимательно слушал, ему было интересно. Когда Вера закончила рассказ, щеки ее предательски поползли в стороны, вытягивая губы в струнку и предвещая слезы. Ей не хотелось показывать свою слабость, она торопливо предложила: «Теперь ты обо мне все знаешь, давай выпьем». Они выпили, но это не помогло: она неожиданно прикрыла рот ладонью, будто обожглась спиртным, и тихо заплакала, плечи ее заходили в такт молчаливым рыданиям. Он испугался, обнял ее, принялся неловко гладить по голове, успокаивать, а она все повторяла: «Сейчас пройдет, сейчас пройдет».

Почувствовав, что с хозяйкой творится что-то неладное, в дверях комнаты появилась кошка. Она подошла к дивану и запрыгнула Вере на колени. Вера погладила ее. «Это моя Маруся... мой валокордин... она многое понимает...» Потом вытерла глаза платком, платок, не складывая, засунула в рукав и улыбнулась, как смогла, глядя на озабоченного Дмитрия. «Что я могу для тебя сделать? – спросил он. – Ты только не плачь». – «Спасибо тебе, но ты мне не сможешь». – «Это почему же?» – «Ой, это так долго объяснять». – «А ты попробуй, пожалуйста».

Она заглянула в его встревоженные влюбленные глаза.

«Попробовать?... Я жила в Филологическом переулке, недалеко от Невы. Мы часто гуляли с мамой по набережной. Любовались противоположным берегом. Медный всадник на Сенатской площади, чуть в глубине Исаакиевский собор, прямо напротив нас Адмиралтейство со шпилем, Зимний дворец, все как на ладони, неповторимая красота. Я любила глядеть на волны, ветер гнал их со стороны залива. Мама покупала мне мороженое или газированную воду. Сидели на скамейке где-нибудь в Румянцевском саду или у Академии художеств, и она рассказывала мне о Ленинграде. Кажется, она знала о нем все. После войны она иногда брала меня с собой в университет, с условием, что я буду делать уроки. В аудитории я пробиралась на последние ряды, сидела там тихо, слушала мамины лекции, ничего ни капельки не понимала и так ею гордилась, что у меня мурашки на коже выступали. Позже, будучи студенткой, каталась с друзьями по реке. Выходили в залив на лодках, загорали у Петропавловки, пропадали в Эрмитаже, весь пригород объездили, все дворцы. И после всего этого жизнь без Питера, безумное количество лет. Сапоги и погоны, погоны и сапоги. И кем я стала? Верочкой у буфетной стойки. Вот такая история падения».

Вера взяла кошку на руки, подошла к окну, раздвинула шторы, отдернула тюль, сказала, глядя на мечущиеся от ветра ветки тополей: «И после Питера – вид из этого окна. Вот я тебе все и рассказала». Затем повернулась к нему: «Теперь понимаешь меня?» Он кивнул. «А ты был когда-нибудь в Ленинграде?» – «Нет, не был». Она не ожидала такого ответа. «А зачем тогда я тебе все это рассказывала?» Он покраснел. «Извини. Питер для тебя – все равно что город-призрак, что-то вроде Зурбагана», – безнадежно заключила она. «Что ты имеешь в виду?» – спросил он. Она не стала ничего объяснять, отпустила кошку и под села к нему. «Я имею в виду, что мне придется тобою заняться. Будешь у меня читать книги. Будешь? У меня библиотека небольшая, но хорошая. Еще в спальне книжные полки есть».

...Он приходил к ней поздними вечерами, когда не было дежурства. В другое время они не общались, она запретила. «Мне-то все равно, а тебе надо блюсти моральный облик советского офицера, без этого карьеры не сделаешь. Не хватало еще тебе жизнь сломать». – «Так в общепитии все знают, что я куда-то ухожу». – «Но не знают, к кому. А куда-то – так здесь все куда-то ходят. Три дня – те к этим, затем четыре дня – эти к тем». Он понимал, о чем она говорит, эта сторона жизни военного городка с жестко регламентированным графиком дежурства была ему уже хорошо знакома.

Незаметно прошел год. Как-то по почину очередного рьяного коммуниста отправили молодых офицеров в соседний колхоз помочь с уборкой урожая. Там Дмитрий и встретил Ларку, увидел во дворе деревенского дома: наклонившись, она возилась в огороде, демонстри-

руя голые ноги в резиновых сапогах и попу в коротких штанишках. В деревню он приехал, чтобы набрать во фляги воды – вот и набрал! Ларка была одна, пригласила его в дом, вздумала угостить офицера печеными яблоками, наклонилась у печки, чтобы чугунок достать. Но прежде надела белый передник, будто заранее знала про Дмитрия что-то эдакое. Там он ее и взял, прямо у печки, а яблок так и не попробовал, не до яблок было. Очнулись они, когда шофер-солдатик извелся ждать и начал сигналить на дороге. Позже Дмитрий узнал, что Ларка беременна. Но узнал не от нее, а от замполита полка, сама она его найти не смогла. Вариантов не было, сыграли свадьбу. Замполит, большой любитель выпить и поговорить, на свадьбе по собственному предложению сделался тамадой и произнес много слов по поводу чести и достоинства жениха, поступившего как подобает настоящему советскому офицеру.

А с Верой все как-то вовремя получилось, у нее как раз мать тяжело заболела; собралась она в неделю, все бросила и уехала. Он пришел провожать ее, подарил большой букет поздних астр. Они стояли на перроне и неотрывно смотрели друг на друга, будто хотели запомнить на всю жизнь. Она была внешне спокойна, а он нервничал, часто моргал, кусал губы. Она наклонилась к себе его голову и поцеловала в лоб. «Я тебя не виню. Все происходит естественным образом, мы должны были расстаться. Это не могло тянуться бесконечно. Поскорее забывай меня и будь счастлив». Положила руку ему на грудь, нажала ладошкой легонько, словно хотела оставить на память отпечаток, словно подала ему знак, что все кончено, и пошла к вагону. На ней было длинное шерстяное платье. В тамбуре обернулась, улыбнулась удивительным образом, махнула ему рукой.

...А он все не уходил, стоял у открытого окна, не мог поверить, что расстанется с ней навсегда. Она опустила в окно сиреневую астру бутоном вниз и игольчатыми лепестками гладила его лицо, щекотала нос, теребила непослушный чуб. Когда поезд тронулся, сказала прилипшему к стеклу Дмитрию: «А я тебя любила, Митя. Последний год только ты меня здесь и держал».

От невыносимой тоски у Дмитрия защемило в груди. Он едва справился с собой, чтобы не разрыдаться вслед уходящему поезду.

IV

Нарукавный пульт после легкого щелчка замигал индикатором, на экране высветилось сообщение с маленькой фотографией. Это была Лоа. Сол ждал этого звонка.

– Привет, Сол! Можем поговорить?

– Привет, Лоа! Конечно, можем. Как тебя приняли коллеги? Есть работа?

– Приняли хорошо. Опытные оперативники, славные ребята. Начинаю к ним привыкать.

И они ко мне. Работа? Лучше бы ее не было.

– Ну да, вы же у нас скорая помощь. Ты одна?

– Одна. Сиу и Рон уединились у себя, и мне стало грустно. Решила тебе позвонить.

– Так включай скорее дальнюю связь.

Лоа замахала с большого экрана рукой.

– Чем занимаешься? Я тебя не отвлекаю?

– Изучал электронную карту Земли, перечитывал отчеты гуманитариев. Мне предстоит работать с мелкими объектами, а это требует знания многих деталей.

– Интересно, наверное. А у нас одна дежурная скука. Следишь за вами, как за подопытными зверьками, чтобы вели себя хорошо, – пошутила Лоа, – вот и вся работа.

Они замолчали, глядя друг на друга и грустно улыбаясь.

– Сол, я очень соскучилась.

– Я тоже. Потерпи немного. Через три месяца вернемся на Верум и что-нибудь придумаем.

– Это ты через три, а я через четыре, забыл уже?

– Я буду тебя ждать, у меня два месяца реабилитации.

– А что ты можешь придумать? Ты же постоянно в полетах. Столько, сколько летаешь ты, не летает, кажется, никто. Ты собираешься когда-нибудь положить конец своим путешествиям? – осторожно спросила она.

– До тебя не собирался, но теперь задумался над этим.

– Это правда? – Лоа с недоверием всматривалась в лицо Сола, но он был серьезен. Лоа подумала, что, может быть, он действительно решится на этот шаг. Она обрадовалась этому и испугалась одновременно. – Сол, я знаю, как много значит для тебя твоя работа. И все равно я очень рада этому. Вот сейчас сказала и испугалась.

Сол вопросительно посмотрел на Лоа.

– Боюсь спугнуть удачу, – Лоа подперла подбородок кулачками, глаза ее заблестели. – Так сильно этого хочется. Заканчивай летную практику. Разумеется, вместе со мной.

Сол ничего не ответил. Он прекрасно знал, что Лоа хотела остаться вместе с ним на Верум и больше никогда не летать.

– Неужели тебе не надоело пить этот похожий на лекарство тонизирующий напиток? Сколько можно поглощать эти архиполезные питательные смеси? Ты съел всего этого тонны.

– Поверь мне, Лоа, дорогая, я думаю над этим.

– Знаешь, как тебя в ЦОПе зовут за глаза? – спросила Лоа.

– Интересно, как? – без интереса спросил он.

– Одиноким странником.

– Неплохо, – улыбнулся Сол. – Я думал услышать что-нибудь похуже. А такое определение мне даже нравится.

– Тебя все время посылают в одиночные экспедиции. Почему? Ужиться ни с кем не можешь?

– Я сам так захотел. Ты, вероятно, слышала о моих родителях. Было несколько версий. Одна из них – ошибка моего отца. Он был командиром.

– Извини, Сол. Я знаю.

– После этого я решил, что никогда не буду отвечать за чужие жизни – только за свою. Солу не хотелось продолжать эту тему, и он постарался улыбнуться:

– Но теперь, несмотря на мое прозвище, я уже не одинок, потому что у меня есть моя любимая Лоа.

– А у меня есть ты... Послушай, странник. А почему в экспедиции не посылают оперативников? Я бы тебя защищала.

– Ты моя замечательная серебристая защитница.

Сол смотрел на Лоа и не мог насмотреться. Кожа Лоа на самом деле была бледно-серебристого цвета, присущего уроженцам холодных районов Верум. Трудно было поверить, что эта хрупкая красавица с миндалевидными зелеными глазами и пепельным ежиком на голове могла мгновенно оценить ситуацию и действовать быстро, точно и жестко.

– Конечно, нам с вами нельзя, вы же интеллектуалы, – Лоа сделала вид, что обиделась. – А кто такой оперативник? Знаешь, как про нас зло шутят? Оперативник – это аэронавт, который способен правильно нажать на кнопку «Пуск».

Сол вспомнил рекомендации по поводу точки ввода информации.

– Интеллектуалы у нас – это гуманитарии, а мы так... исполнители их кабинетных фантазий.

– А что тебе предстоит сделать? Опять какое-нибудь насилие во благо неведомой никому планеты?

– Я сделаю все возможное, чтобы никто не пострадал.

Эта тема никогда не оставляла Сола равнодушным. В таких случаях он невольно, не отдавая себе в этом отчета, начинал защищаться, даже если в словах собеседника не было ни капли упрека.

– Извини, Лоа, но ты сама завела этот разговор. Ты что, никогда не применяла оружие? Не хочешь же ты сказать, что от твоих пушек никогда не гибли инопланетяне?

– Мы спасали наши экспедиции.

– По-твоему, наши экспедиции сами инопланетяне в гости приглашают? А мне всегда казалось, что мы прилетаем к ним по собственному желанию, – с горькой иронией сказал Сол. – Так что ваши действия – это лишь следствие выполнения наших планов.

– Прошу тебя, Сол, не ерничай, эта непростая тема. Я тебя ни в коем случае не упрекаю и уж тем более ни в чем не виню. Просто ты потом переживаешь, а я волнуюсь за тебя. Вернешься из экспедиции, и будут тебя выводить из депрессии, пичкать философией необходимости. Из капсулы психологической разгрузки не будешь вылезать. Я же помню, какой ты был в центре реабилитации после полета.

– Примерно так и будет, ты же все знаешь. Давай я тебе лучше что-нибудь интересное о Земле расскажу.

– Расскажи, с удовольствием послушаю.

Сол задержался с ответом, собираясь с мыслями.

– Для Земли утверждены три программы: «Глобальное оружие», «Локальные конфликты» и «Свободное развитие». Изучив земную цивилизацию, гуманитарии решили, что свободное развитие будет сокращать почву для возникновения первых двух проблем. Так что я начну с умеренного принуждения.

– С чего именно?

– С пустяка. Они здесь, на Земле, перемещаются по дорогам на автомобилях. Я не помню, говорил тебе или нет, но мне предстоит работать в стране, которая называется *Россия*. На дорогах этой страны ежегодно гибнут десятки тысяч землян! Можешь себе это представить?

– Ты шутишь?

– В том-то и дело, что не шучу. У меня нет оснований не верить тому, что удалось выяснить гуманитариям. Они не в состоянии организовать безопасное движение. У них есть правила поведения на дорогах, но они их не соблюдают. В общем, я наведу у них на дорогах порядок.

– Сол, ты никогда не задумывался, правы мы или нет, вмешиваясь в чужую жизнь?

– Во время экспедиций я часто думаю об этом.

Они замолчали.

Затронутая тема время от времени обсуждалась в среде аэронавтов. Уклониться от нее было невозможно. Кто дал им право на экспансию собственного мировоззрения во все пределы Пространства? Достаточно ли того, что они руководствовались исключительно благими намерениями? И могут ли благие намерения оправдать силовые методы?

– Когда мы спасаем планеты от саморазрушения, от кровопролитных столкновений – это одно, – в раздумье сказал Сол. – А если мы им всего лишь подсказываем линию поведения, как в моем случае, например? И где гарантия, что они последуют нашему совету?

Лоа смотрела на Сола с нежностью и тревогой.

– Теперь я знаю, почему у тебя бывают такие грустные глаза. Я помню твои глаза, когда ты сидел на берегу пруда и кормил с рук рыжих птиц. Мне тогда показалось, что ты был где-то очень далеко. Наверное, на одной из своих планет. Ты и сейчас думаешь о какой-нибудь планете?

– Нет, Лоа, сейчас я думаю о нас с тобой.

Лоа вдруг приложила палец к губам и прислушалась.

– Сол, я отключаюсь. Не хочу неприятностей.

– Подожди, как отключаешься? Мы совсем не поговорили.

– Сол, мы рабочий канал занимаем. Нас с тобой точно дисквалифицируют. Что тогда будем делать?

– Будем путешествовать и никогда не разлучаться. Выберем себе домик у теплых озер и заживем. Детей у нас будет пятеро. Как ты на это смотришь?

– С восхищением. Отключаюсь. Извини, милый, – заторопилась она, поглядывая себе за спину.

– В следующий раз ты у них выясни, надолго они уединяются или нет.

– Обязательно, – улыбнулась Лоа и исчезла с экрана.

V

Запланированное совещание прошло спокойно. Расположившись во главе стола зала заседаний, Фоунтейн сжато и доходчиво изложил свои соображения по поводу сложившейся ситуации. Ларкин, любитель поиграть в простого парня с демократическими замашками, сидел при этом, как обычно, вместе с редакторами отделов, безуспешно пытался смять ухо в комок и выводил каракули в блокноте. Можно было подумать, что этот круглоголовый господин в твидовом пиджаке, клетчатой рубашке *а-ля фермер* и мятых брюках оказался в этой компании прилично одетых джентльменов случайно – заглянул, проходя мимо. Ларкину всегда нравилось казаться простолюдином, но при условии, что все вокруг прекрасно знали, что он в действительности миллионер.

Редакторы отделов, которым босс по очереди предоставлял слово, будто сговорившись, разделяли мнение шефа редакции, оказывая ему поддержку. Ларкину это не нравилось, он их почти не слушал. Все необходимое для себя он узнал из доклада Фоунтейна и теперь размышлял, как поступить. Ему требовалось время для принятия решения, но откладывать решения он не любил. И главным фактором, заставившим его серьезно задуматься, явилось очевидное снижение активности рекламодателей вслед за стремительным падением тиража газеты. Как только решение в его голове созрело, он остановил очередного оратора, попросил его сесть и объявил окончательный вердикт: в первой половине газеты подвалы вернуть к прежнему формату. Затем коротко попрощался и с мрачным выражением лица покинул зал заседаний: соглашаться с чужим мнением ему удавалось лишь ценой серьезного ухудшения настроения.

В целом Фоунтейн остался доволен. Конечно, ему хотелось проучить босса и еще раз показать всем печальный результат его некомпетентности в надежде, что тот поумнеет и впредь будет более осмотрительным. Но он не успел этого сделать. Ему не удалось наглядно продемонстрировать Ларкину то, что сам же Ларкин и натворил. Мысленно он даже представлял себе, как это могло бы быть. Например, можно было обрадоваться его решению и даже поблагодарить, а затем в назидательном тоне сообщить, что формат газеты можно менять хоть каждый день, вот только что делать с уволенными журналистами? И далее объяснить, что на их счет не имеет смысла питать иллюзии: в его газету они точно не вернуться. А это означает, что восстановить закрытые рубрики в прежнем качестве вряд ли удастся. В связи с этим предложить ему быть готовым к продолжению падения тиража – и опять по его же вине.

Теша себя фантазиями и рассуждая о том, как можно было бы эффектно закончить совещание, Фоунтейн вернулся в свой кабинет и обнаружил на столе рыжий замшевый конверт. Предвкушая скорую расправу, он почувствовал радость, явно несоизмеримую с ее ничтожной причиной. Взяв конверт, осмотрел его и отметил, что последние три цифры индекса на штемпеле почтового отделения отправителя совпадают с цифрами номера его «Хонды». Конверт ничем не отличался от предыдущего. Фоунтейн вскрыл его и убедился, что ничего не изменилось: на его внутренней стороне были напечатаны два текста – на английском и на русском языках. Он с удовольствием разрезал письмо ножницами на четыре части, сложил их в стопку и плавно опустил в мусорную корзину, что было сродни ласке, которую мучители порой дарят своим будущим жертвам. При этом он испытал такое же чувство, какое испытывают люди, которым удалось наконец спустя время отомстить старому обидчику.

VI

Сол включил систему привязки к базовому кораблю, аэронавты в шутку называли ее «пуповиной». Зеленый индикатор замигал и вскоре успокоился, информируя, что связь успешно установлена и с этого момента базовики будут вести его транспорт.

«Интересно, кто будет сегодня моим диспетчером?» – подумал Сол. Наличие пуповины не предполагало общения между экипажами, пуповина играла лишь пассивную роль слежения за подконтрольными экспедициями, но Солу все равно хотелось, чтобы диспетчером была Лоа. Он почувствовал острое желание видеть и слышать ее и закрыл глаза. Какими-то неведомыми путями к нему пробился запах ее кожи и волос, нахлынули воспоминания тех двух коротких недель, проведенных вместе...

После первого дня знакомства в центре реабилитации пилотов они уже не разлучались. По вечерам, обнявшись, сидели на берегу озера и не верили своему счастью. Потом очень тяжело расставались, словно влюбленные подростки, которым разлука кажется концом света. «Впереди почти четыре месяца, – думал он, – а что дальше?» Тридцать две экспедиции, сто лет полетов, годы, проведенные за пультом управления. И на это ушла половина жизни... Солу хотелось отвязаться от этих непростых мыслей. Он заставил себя представить их с Лоа дом на берегу озера. Дом будет одноэтажным и обязательно разноцветным. Этим, конечно, никого не удивишь, по случаю бедности природной цветовой гаммы все выкрашивают свои жилища яркими красками, этой традиции много лет. Но у них с Лоа самый разноцветный дом и много любимого Лоа цвета – оранжевого и желтого. Они сидят на диване в гостиной, он обнимает ее, она улыбается, она счастлива. А рядом с ними на ковре их дети, мальчики и девочки. Кругом разбросаны игрушки, на столе много сладостей...

Работать в таком состоянии было недопустимо – категорически.

Он прошел в комнату отдыха и умылся холодной водой. Это помогло прийти в норму. Вернулся в кабину управления, включил двигатель. Корабль, медленно ускоряясь, пошел вверх. Сол еще раз проверил привязку к электронной карте Земли. Затем припал к обзорному монитору. Под ним лежало вытянутое с юга на север небольшое озеро с изрезанными берегами и двумя крошечными островами, заросшими густой травой. Один из них он про себя называл уже своим домом. Справа от озера тянулась прямая, как луч, автострада. Место он выбрал безлюдное, до ближайших городков на севере и на юге около пятнадцати километров. Погода стояла безоблачная, и населенные пункты просматривались как на ладони.

Глядя на экран, он в который уже раз отметил красоту Земли, поделенной на многоугольные поля, как лоскутное одеяло. Он приблизил южный городок, затем сфокусировался на почтовом отделении у дороги, в почтовый ящик которого опускал письма. Все как обычно, без изменений. Пристегнувшись ремнями к креслу, Сол выбрал на карте точку назначения, перевел систему управления в автоматический режим и запустил маршевые двигатели. Достигнув расчетной высоты, транспорт лег на заданный курс и через десять минут завис над Москвой.

Над городом стояла густая облачность. Для системы слежения она оказалась непреодолимым препятствием. Солу пришлось опуститься очень низко, чего он, следуя инструкции, обычно старался избегать. Ему предстояло научить систему слежения распознавать автомобили с мигалками. Он выбрал один из центральных проспектов и приблизил на экране поток машин. Ждать долго не пришлось, по встречной полосе неслась черная машина с синими фонарями. Сол дотронулся до ее изображения указателем. Система слежения ответила коротким сигналом, начало было положено. Через некоторое время он указал на машину с неработающими маяками, едущую в общем потоке. Третья машина шла в группе из трех автомобилей; Сол приблизил кортеж и указал на нее. После этого перевел систему в автоматический режим

обучения, и она, применяя сложный алгоритм проверки подобия, сама стала выводить на экран подходящие объекты, а он только отмечал правильно распознанные. Пройдясь по нескольким проспектам, на шестом десятке машин система слежения перестала ошибаться. Сол посчитал, что этого достаточно, в любом случае последнее слово будет за ним, и сохранил поисковый образ под именем «Мигалка».

Закончив запланированную на этот день работу, Сол некоторое время – уже не в первый раз, но по-прежнему с интересом – разглядывал лежащий под ним город. Его особенно удивляло не поддающееся объяснению хаотическое движение огромного количества землян и машин. Он не понимал, как можно жить в такой тесноте, тратя бесценное время на перемещение.

Можно было возвращаться домой, на остров. Сол поднялся на безопасную высоту, но улетать не торопился, размышлял над стоящей перед ним задачей. Надо было избежать гибели землян – но как? Сейчас его занимала только эта проблема. Изучив организацию движения на дорогах, он понял, что легко может нанести ущерб не только водителю, но и другим машинам и людям. В отчетах гуманитариев об этом ничего не было сказано. Они подошли к проблеме слишком упрощенно. И теперь он был вынужден самостоятельно искать приемлемый способ.

А что, если объяснить задачу оперативникам? Эта неожиданно пришедшая мысль понравилась ему. В конце концов, лучших знатоков вооружения, чем оперативники, все равно не найти. «Заодно можно будет пообщаться с Лоа, – обрадовался он, – пусть даже на служебную тему».

С нарукавного пульта он включил систему связи с базовым кораблем, набрал код Лоа. Она ответила почти сразу:

– Привет, Сол! Как дела?

Сол удивился ее серьезному тону.

– Привет, Лоа! Мне нужен твой совет как специалиста по вооружению.

– Ты собираешься применить вооружение? – с тревогой в голосе спросила она.

Рон и Сиу повернули головы в ее сторону и затем переглянулись.

– Включи громкую связь, – приказал Рон.

Лоа включила громкую связь, и голос Сола разнесся по всем отсекам базового корабля.

– Лоа, дорогая, я только что пообедал. В животе у меня булькает любимый всеми аэро-навтами тонизирующий напиток. Я сижу за пультом навигации, вытянул ноги и совершенно расслабился. Транспорт стоит без движения, и все его системы в норме. Стрелять в данный момент ни в кого не собираюсь, честное слово.

Сиу выразительно посмотрела на мужа, Рон в ответ приложил палец к губам.

Лоа растерялась. Для общения на служебную тему с оперативником, с которым пилота экспедиции связывают только рабочие отношения, Сол выбрал совсем неподходящий тон. Надо было как-то его поправить. Соображая, как дать ему знать, что они не одни в эфире, она перебила его:

– Подожди, Сол, вот что... Тебе привет от Рона и Сиу. Они заинтересовались нашим разговором и готовы помочь.

– Сиу, перейди на дальнюю связь, – приказал Рон. – Проще будет общаться. Заодно познакомишься с Солом.

Затем добавил с улыбкой:

– Как я понял, Лоа этого уже не требуется.

Сол и Сиу с экранов замахали друг другу. «Привет! Рад познакомиться». – «Привет! Я тоже рада».

После обмена приветствиями Сол понял, почему Лоа так сухо с ним разговаривала, но было поздно: он уже успел доложить экипажу базового корабля о булькающем в животе

напитке. Сразу настроиться на рабочий лад было трудно, поэтому он попробовал для начала пошутить:

– Начну с главного: как вам тонизирующий напиток?

Ему в тон поспешила ответить Лоа. Она понимала, что карты все равно придется приоткрыть, так что лучше опередить события, иначе последуют расспросы, а этого ей совсем не хотелось.

– Сол, ты забыл, что оперативники – народ серьезный. Если бы я не была знакома с твоим юмором, которым ты веселил всех в центре реабилитации, я бы решила, что ты подтруниваешь над нами.

– Прошу прощения. Тогда сразу о деле, – сказал Сол и подумал, что Лоа, конечно, молодец, ловко выкрутилась. – Начну издалека. Кто-нибудь из вас бывал в музее транспортных средств?

– Я был, но давно, – сказал Рон.

– Вспомни, Рон, музейные экспонаты. Когда-то мы ездили на машинах, у которых были колеса. Колеса вращались, и машина ехала. Припоминаешь?

Тот кивнул в ответ.

– Так вот, земляне ездят по дорогам примерно на таких же. Моя задача заключается в том, чтобы уничтожать машины определенного типа.

– И все? – удивилась Сиу и пошутила: – Ты до сих пор не научился этого делать?

Ссориться с новой знакомой не хотелось, и Сол вынужден был сдерживаться.

– Сиу, не перебивай меня, пожалуйста. Сложность заключается в том, что машину надо вывести из строя так, чтобы не причинить вреда землянам, находящимся внутри.

– Значит, надо вывести из строя агрегат, который приводит машину в движение, – сказала Лоа.

– На первый взгляд логично, – сказал Сол, – если бы не местные особенности. Во-первых, непредсказуемое поведение землян. Неизвестно, как отреагирует водитель на подобную нештатную ситуацию. Он может растеряться и нанести вред другим. Кроме этого, непонятно, как поведет себя сама машина.

Сиу подняла руку.

– Получается, что земляне не пострадают лишь в одном случае: если двигатель будет поврежден в тот момент, когда машина стоит на месте.

– Сиу права, это единственная возможность, – поддержала коллегу Лоа.

– И что это нам дает? – скептически спросил Рон. – Если я правильно понимаю, Сол не собирается просить их остановиться и выйти из машины, перед тем как повредить двигатель.

– Если все согласны, что это единственная возможность, – продолжила Сиу, – стоит подумать над тем, как заставить машину остановиться в штатном режиме.

– Прежде чем начнем думать, одно существенное уточнение, – сказал Сол. – В штатном режиме машину может остановить только ее водитель.

– Как подтолкнуть его к принятию такого решения? – начала размышлять Лоа. – Когда водитель останавливается? В конце маршрута, например.

– Нет, это отпадает, – возразил Сол, – я должен повредить машину на дороге во время движения.

– Когда машина сломалась или когда водитель сам решил остановиться, потому что увидел что-то или кого-то. Или ему стало плохо, – продолжала размышлять Лоа.

– Или ему стало плохо, – Сиу снова подняла руку, привлекая внимание. – Лоа, ты умница. Если водителю станет плохо, он же обязательно остановит машину и выйдет из нее, так ведь?

– Что ты придумала? – нетерпеливо спросил Рон.

– Кажется, я нашла решение задачи, – сказала Сиу. – Коллеги, у нас с вами есть специальные химические заряды для отпугивания животных. Эти шарики разрываются и образуют

плохо пахнущее облако, от которого звери убегают. Так давайте направим такой заряд внутрь машины. Водитель будет вынужден остановиться и выйти из нее.

– Все хорошо, кроме того, что эти заряды не способны пробить сколько-нибудь твердый материал, – пояснил Сол. – Для этого они не предназначены. Мы же выстреливаем ими в воздух, а не в животных.

– Прожги дыру лазером и направь в нее заряд химии, – подсказала Сиу. – Но, разумеется, не пневматической пушкой, используй в качестве носителя световое излучение. Оно доставит заряд прямо в подготовленную тобой дыру. Два выстрела в одну точку с интервалом в миллисекунду – и дело сделано. Водитель этой гадостью дышать не будет, выскочит из машины. После этого делай с машиной что хочешь.

Рон и Лоа переглянулись, возражений ни у кого не было. Сол тоже молчал. Лоа захлопала в ладоши:

– Видишь, Сол, оперативники могут не только уничтожать. Сиу тебе это сейчас продемонстрировала.

– Спасибо вашему дружному экипажу, – с удовлетворением сказал Сол; мучившая его проблема, кажется, нашла свое разрешение. – Сиу, рад был с тобой познакомиться.

Он на прощание помахал им рукой и завершил сеанс.

«Теперь можно и домой. Но по двигателю стрелять я не буду. Мало ли на каком топливе он работает. Может произойти взрыв. Мощности взрыва я даже предположить не могу, – думал он, указывая навигатору конечную точку маршрута. – Главное, что я наконец знаю, как без насилия остановить машину».

Транспорт Сола набрал высоту и устремился в Северную Дакоту на остров с зеленой травой.

VII

После переезда в элитный поселок заговорили о подборе прислуги. На семейном совете решили из местных не брать, только из «своих», проверенных. А поскольку у Дмитрия Владимировича по причине кочевой жизни родителей «своих» не было, решили остановиться на Ларкиных – ивановских, он категорически на этом настаивал, объясняя, что местным придется много платить. Ларка его объяснениям не поверила и сначала сопротивлялась: «Надоел мне этот ивановский говорок до чертиков. Еще тут нам его не хватало. Не можем нормальных, что ли, найти?» Дмитрий Владимирович подсмеивался над Ларкиным высокомерием, за годы благополучной жизни нескрываемый снобизм стал ее постоянной манерой поведения. «Так вы сами-то откуда родом будете, Лариса Васильевна? Не из тех ли краев-то?» – окал он и представлял ударения в точности так, как это делала Ларкина родня. «Вы, козельские, помолчали бы», – огрызалась она.

У Ларки действительно прорывались порой родные интонации, причем в самый неподходящий момент – в светских компаниях, на официальных приемах, когда Ларка, выпив лишнего, начинала что-нибудь живо обсуждать. В такие минуты, если присутствовали высокопоставленные лица и встреча была для него важной, Дмитрий Владимирович злился, сверлил взглядом жену и старался как-то подать ей знак. А ее это только веселило, она становилась неуправляемой, специально безобразничала и ненавидела мужа.

Время от времени подобные случаи заканчивались дома дикими сценами. В машине, в присутствии водителя, они молчали, но, оставшись наедине, давали себе волю высказаться. «Не кури в спальне, сколько можно просить об одном и том же», – начинал он с безобидного замечания. Она не отвечала, демонстративно раздевалась перед ним, набрасывала халат и садилась перед зеркалом снимать макияж. «Ты что, не слышала, что я сказал?» – повторял он, начиная выходить из себя. «А что еще мне нельзя делать? На вечеринках ты запрещаешь мне говорить. Тебе за меня неловко, так ведь? Курить, оказывается, тоже плохо». Она ехидно улыбалась и специально махала сигаретой перед его носом. «Да говори сколько хочешь. Только следи за своей речью и меньше пей, – говорил он, стараясь не повышать голоса. – Зачем ты лезешь в темы, в которых все равно ничего не понимаешь?» – «Дай мне выпить, тогда я тебе объясню... бестолковому», – смеялась она ему в лицо. – «Хватит с тебя, – вырывал он у нее бутылку. – Тебе же один пес – импрессионизм, экспрессионизм, ты же в этом ничего не смыслишь». – «Это ты ничего ни в чем не смыслишь, понятно тебе?! – переходила она на крик. – И никогда ничем не интересуешься. Ты когда последний раз книжку в руках держал?» – «Так я, по крайней мере, не лезу со своим мнением, если чего-то не знаю, – еле сдерживаясь, отвечал он. – Можешь, наконец, уяснить, что твои взгляды на искусство никого не интересуют. Ты своим говорком выставляешь нас в идиотском свете». – «Говорок ему не тот, скажи пожалуйста! А когда трахаешь меня, говорок у меня тот, что надо? – заливалась она истерическим смехом. – И перед кем это я выгляжу не в том свете? Перед такими же надутыми важностью рожами, как у тебя?» Из-за ее издевательского смеха и презрительного отношения он выходил из себя, срывался на откровенную грубость: «Запомни, молчание в твоём случае не золото, молчание в твоём случае – платина». – «Это поэтому ты у нас самый что ни на есть правильный молчун? – ее глаза загорались неукротимой злобой. – Оно и понятно: когда начальству задницу лижешь, болтать языком неудобно». – «Что ты сказала, тварь?» – «То, что слышал, козел козельский!»

«Козел козельский» – это было ее фирменное, выстраданное еще в пору его службы в Тейкове. После «козельского козла» он ей первый раз и дал пощечину. Этим она давно уже и с удовольствием ставила точку во всех их отвратительных ссорах. После такого оскорбления

он хватал ее, швырял на кровать, шлепал по щекам, чтобы она замолчала. Она увертывалась, визжала, царапалась. Потом плакала и хохотала, переходила на отвратительную матерщину. Слушать это было невыносимо, и он уходил спать в кабинет.

Проходила неделя, а то и больше, прежде чем они начинали вместе завтракать и как-то общаться – без приветствий, отводя глаза в сторону, постепенно восстанавливая незримо связывающие их нити. «Тебе кофе в большую?» – «Да, спасибо». – «Творог будешь?» – «Положи. А себе почему?» – «Не хочется».

Он уже скучал по ее телу, украдкой скользил взглядом по ее шелковому халату. Содержимое халата едва обозначалось, не проявлялось до конца, лишь угадывалось. Его дурманил ее шарм. «Ты у меня восхитительно заманчива», – говорил он ей в лучшие времена их отношений. Она умела со вкусом одеваться, а ему дано было это оценить. Он иногда задумывался: откуда это у деревенской девчонки? Может ли чутье на стиль и моду быть врожденным? Ему льстило, что у его жены такие способности. Она и его одевала по высшему разряду с тех пор, как он стал зарабатывать большие деньги.

После двух-трех дней с тихими завтраками и обезличенными дежурными фразами он приходил к ней в спальню. Она знала, что он придет, томила, ждала его. Это были сумасшедшие ночи примирения и выпущенных на волю необузданных страстей. Иногда им обоим казалось, что только ради этих ночей стоило затевать подобные ссоры, понося друг друга последними словами. Как только он закрывал за собою дверь, между ними устанавливалось невидимое поле безумного тяготения. «Сейчас ты у меня за все ответишь, я тебе сейчас покажу, гадина такая», – произносил он угрозы, на ходу стаскивая с себя одежду и устремляясь к ней в постель. «Покажи, покажи, раздави свою гадину», – теряла она рассудок в предвкушении расправы. Она позволяла ему все. И даже белый передник, затерявшийся у нее среди белья, в такие ночи надевался, завязывался дразнящим двойным бантом, своей кукольной девственностью сводящим его с ума, и после мелко вздрагивал оборками от непрекращающейся любви. Утром она не хотела его отпускать, все стояла, прижавшись к нему. Обняв ее, он зарывался пальцами в растрепанные волосы и покрывал поцелуями ее голову.

В итоге Ларка согласилась на ивановских. Когда навещала мать, среди многочисленной деревенской родни и знакомых нашла для уборки дома Галку; ужасно мучаясь от общения с земляками, с трудом выдержала на родине неделю; любопытные гости, на радость матери, каждый день приходили в ее новый кирпичный дом с мансардой, водопроводом и теплыми полами, приносили с собой пироги и самогон и имели лишь одно желание: поглазеть на соседскую дочку, «вращающуюся в самом высшем свете».

Галка с благодарностью и без раздумий согласилась убирать дом, поскольку в вымирающем районе, где она жила, никакой работы не было. Вдобавок в родной деревне ее давно уже ничто не держало. Ее пьяного отца, уснувшего на дороге, задавили трактором его же собственные друзья, не заметив в густом утреннем тумане, когда она была еще подростком. После смерти отца мать замуж не вышла, а в конце жизни долго болела и не так давно умерла. Доставшийся Галке в наследство родительский дом, уже тридцать лет как лишенный мужской руки, покосился и в скором времени обещал завалиться набок. Так что предложение богатой землячки вмиг сделало ее счастливой.

Жила Галка одна. Семейой обзавестись ей не удалось, поскольку мужики ей в жизни, как по уговору, попадались никудышные, все как один пьющие. Несмотря на ее удивительное терпение и неприхотливость, подолгу она их при себе не держала, потому как «мочи более не было их терпеть». Бабой она была доброй и ласковой, излишне доверчивой, так что расставаться с ней они не торопились – кто же от добра побежит. Приходилось ей терять время на объяснения, вместо того чтобы попросту выгнать очередного сожителя взашей. «Вот я тебе про то и толкую, что не ладится у нас с тобой *ничего-то*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.